

4. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. № 1. 1966.

5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Kovecses Z. *Metaphors and Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Е. В. Бобырева

Особенности синтаксической организации религиозного дискурса

Рассмотрение особенностей языка религиозного дискурса представляется актуальным и необходимым, поскольку в отличие от любого другого вида дискурса, дискурс религиозный строится с использованием лексических единиц, высказываний и синтаксических структур без понимания которых невозможна полная и правильная интерпретация определенных образцов религиозного дискурса. Именно необычность формы выделяет религиозный дискурс среди прочих – «нигде мы не можем извлечь из рудников Писания “содержания”, содержание являет себя через неотъемлемую от него форму... нигде не можем мы найти нечто первоначальное, что выразилось в определенной форме, но могло бы выразиться и иначе. В Писании каждое слово является действительным высказыванием; и перед лицом этого факта “форма” и “содержание” появляются в результате псевдоанализа... Послание превосходит форму, определяет ее и преобразуется ею, без всякой, однако, деформации» [2, с. 47]. В синтаксическом плане в религиозном дискурсе отмечается ряд закономерностей и особенностей, определяемых как основными интенциями и стратегиями религиозного дискурса – молитвенной и исповедальной, так и его основной дидактической направленностью.

Синтаксическая организация речевых образцов религиозного дискурса является довольно сложной. Все образцы отличаются сложностью построения, наличием разнообразных синтаксических связей и отношений. Довольно часто встречаются случаи использования в одном предложении ряда придаточных компонентов, причем, синтаксическая конструкция начинается именно с подобного нанизывания придаточных одного на другое; такое синтаксическое построение имеет вполне определенную цель – сконцентрировать внимание адресата на цели, причине совершения какого-либо действия, а уже потом упомянуть о конечном результате: *«Чтобы понять мудрость и наставление, понять изречения разума, усвоить пра-*

вила благоразумия, правосудия, суда и правоты... послушает мудрый и умножит познания свои, а разумный найдет мудрые советы...» (Притчи Соломоновы, 1: 2–5). В данном случае синтаксическая конструкция начинается с придаточного «для того чтобы», далее же приводится цепочка компонентов, раскрывающих цель – «понять мудрость», «усвоить правила благоразумия», «понять изречения разума», и только после этого приводится объясняющая часть – «послушает мудрый, и умножит познания свои». По такому же принципу может быть построено и придаточное времени: *«Когда придет на вас ужас, как буря, и беда как вихрь принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота, тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут искать меня, и не найдут меня»* (Иов:1, 27–28). Кроме того, нередко встречаются случаи своеобразного попарного построения по схеме: «Время – результат – событие», либо «Время – Цель»: *«Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда просудишься будут беседовать с тобой; Сын мой! Храни заповеди отца твоего, ибо заповедь есть светильник, а наставление свет»* (Притчи: 6, 22–23).

В образцах религиозного дискурса, имеющих явно дидактическую направленность, например, в притчах, можно найти своеобразное циклическое, круговое построение подобных конструкций, при котором придаточное времени или условия может как предшествовать, так и следовать за главным предложением – синтаксической частью, содержащей основное сообщение, главную мысль – «что же случится когда...»: *«Когда определили они избить детей святых, хотя одного сына, покинутого и спасли, в наказании за то Ты отнял множество их детей, и самих всех погубил в сильной воде. Тогда народ Твой, ожидал как спасения праведных, так и гибели врагов, тем самым возвеличил нас, которых Ты призвал... Когда отцы уже воспевали хвалы Тебе»* (Премудрость Соломона: 18, 5–9). Такое синтаксическое построение многих религиозных образцов вполне оправдано – цель автора своеобразным образом «предупредить», «предостеречь» адресата от того, что случилось и может случиться вновь «если...», либо «когда...». Кроме того, цель, задача практически всех образцов религиозного дискурса не просто констатировать факт, событие или отношение, но установить их причинно-следственную связь, что в дальнейшем создает полную картину происходящего, включая указанное событие или отношение в общую картину бытия.

Во многих случаях синтаксическая конструкция начинается с прямого обращения к адресату: *«Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей...»* (Притчи Соломоновы: 1, 8). Прак-

тически весь религиозный дискурс представляет собой диалог, даже в том случае, если текст носит нарративный характер, в нем так или иначе прослеживаются коммуникативная интенция, идет скрытый диалог, хотя на поверхности лежит только одна его часть либо обращение человека к Богу – исповедь, молитва и др., либо Бога к человеку – притчи, проповеди и др. Обращение может быть как определенным, в том смысле, что автор упоминает конкретное лицо: «Сын мой! веди дела твои с кротостью и будешь любим богоугодным человеком...» (Сирах: 3, 17); группу лиц: «Дети, послушайте, меня, Отца, и поступайте так, чтобы вам спастись...» (Сирах: 3, 2); и даже неопределенный объект: «Земля! Не закрой моей крови, и да не будет места воплю моему!» (Иов: 16, 18). Для большей части жанровых образцов религиозного дискурса характерно именно такое косвенное обращение, поскольку все они строятся в виде скрытого диалога; тогда как для жанра молитвы, исповеди, проповеди характерно, несомненно, обращение прямое: «Благого Царя Благая Мати, Пречистыя Богородице Марие, милость излей на страстную душу мою и твоими молитвами настави мя на деяния благая...» (Молитва Пресвятой Богородице); «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, молитвами избави мя настоящего обстояния бесовскаго!» (Молитва Иисусу Христу).

Глагольная лексика также выполняет во многих образцах религиозного дискурса функцию установления речевого контакта: «слушай (те)», «послушай (те)», «услышь», «выслушай», «внимай», «говори вам», «вспомни», «взывай», «внимай», «разумей», «знай (те)» и др.: «Слушай, речи мои и внимай всем словам моим!» (Иов: 33, 1).

Риторические вопросы органично входят в структурно-синтаксическую ткань практически всех жанровых образцов религиозного дискурса: «Можешь ли ты найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?» (Иов: 11, 7). Ответы на данные вопросы для человека верующего очевидны, эксплицитного ответа в данном случае и не требуется. Цель риторических вопросов – установить коммуникативную связь с адресатом, сделать так, чтобы его сознание, его сердце открылись к Богу, были готовы в настоящий момент воспринять сказанное им, пусть и через медиума. Риторический вопрос нередко используется там, где по всем правилам синтаксиса должна быть использована индикативная конструкция: «Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь? Надлежало ли вам быть лицеприятными к нему и за Бога так препираться? Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Обманете ли Его, как обманывают человека? Неужели величие Его не устрашает вас и страх Его не нападает на вас?». Если мы попытаемся представить этот же фрагмент в индикативе, мы

получим примерно следующее: «Ради Бога не следует говорить неправду. Даже ради Бога не следует говорить ложь. Если Бог испытает вас, это будет не очень приятно. Его не обманешь как можно обмануть человека. Его величие действительно устрашает человека» и т. д. Сравнив, таким образом, две фразы, мы увидим, что, несомненно, фраза, представленная в структурной форме риторического вопроса, оказывает большее эмоциональное и психологическое воздействие на адресата, тогда как то же содержание, преподнесенное в форме обычного императива, хотя и передает тот же смысл, лишается силы своего воздействия. Риторический вопрос может восприниматься как укор, упрек Богу: *«Для чего, Господи, стоишь вдали, скрываешь Себя во время скорби?»* (Молитвослов: 2002, Молитва Господу). В ряде случаев за риторическим вопросом следует упрек, жалоба человека на тяжесть судьбы и жизни: *«И зачем Ты вывел меня из чрева? Пусть лучше бы я умер, когда еще ничей глаз не видел меня»* (Иов: 10, 18–19).

Риторический вопрос, как ни парадоксально это может звучать, в некоторых случаях используется для ответа на поставленный ранее вопрос: *«Заступись, поручись Сам за меня пред Собою! Иначе кто поручится за меня?»* (Иов: 17, 2–3). Риторические вопросы характерны для притчей, псалмов. Во всех вышеуказанных образцах они выполняют экспрессивную (усиление эмоциональности сказанного) и фатическую (установление речевого контакта с адресатом, канала связи) функции. Если обратиться к дискурсивным образцам молитв, то здесь риторический вопрос, хотя по сути своей и используется с теми же базовыми целями, но имеет ряд весьма важных дополнительных характеристик. Использование риторического вопроса в молитве, может свидетельствовать об отчаянии автора, риторический вопрос передает своеобразный «крик души» человека, подчеркивает безысходность, отмечает, что ему уже не на кого уповать, кроме Господа или святого, которому адресована молитва: *«К кому возопию Владычице? К кому прибегну в горести моей, аще не к тебе?»* (Молитвослов, 2002: Молитва Пресвятой Богородице). После такого призыва констатируется просьба, мольба человека: *«Услыши стенание твое и приклони ухо твое ко мне... Научи и вразуми меня... не отступи от меня, раба твоего, Владычице... буди мне Мати и заступница»* (там же). В молитвах встречаются также и случаи, когда риторический вопрос может «читаться» (пониматься) как мольба не допустить чего-то, выражение надежды и уверенности человека в том, что хотя что-то и может реально произойти, Бог, в конечном счете, не допустит этого и в последний (самый безысходный момент) человек получит спасение и Господь облегчит его участь: *«Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем? ... Суда Твоего, Господи, боюся и муки беско-*

нечных...» (Молитвослов, 2002: Молитва Святого Иоанна Домаскина). В жанровых образцах проповеди риторический вопрос может выполнять как фатическую функцию, устанавливая контакт с аудиторией: «Готовы ли вы слушать слово Божие и внимать каждому звуку его?», так и вводить тематику, которая получит отражение и развитие далее в проповеди: «Что есть любовь? Бог есть любовь и самое ее существо; все его свойства проявляют ее, а все действия суть ее выражение. Если Бог есть любовь, это значит, что жизнь Его состоит в стремлении к самопроявлению и самопреданности...» (Из проповеди Филарета Московского). После риторического вопроса и ответа на него следует дальнейшее развитие тематической ткани проповеди, подкрепляемое комментариями, примерами из Священного Писания: «Божественная любовь вечна. Она и в человека вложена вместе с жизнью, чтобы служить в нем отображением Бога и составлять образ и подобие его. И говоря о любви к ближнему, Христос указывает на собственную любовь к человеку: “Любите друг друга, как Я возлюбил вас”» (Ин.: 13:34, 14:12). В проповеди можно также найти случаи, когда риторическим вопросом автор пытается активизировать мыслительную активность адресата, заставляет его задуматься над проблемой, попытаться самому найти ее разрешение и дать ответ на вопрос, и только по истечении некоторого времени автор сам предлагает, дает ответ и толкование проблемы, пытаясь с помощью аргументов убедить адресата: «Если в доме отрицается человеческое достоинство матери, если она несравненно ниже человека – мужчины, то сам мужчина человек ли? Ведь от рождается не от человека, а от низшего создания Божиего... В порядке мироздания женщина занимает самое высшее место, и составляет, в общем-то, венец мироздания. Унижая женщину, самолюбивый магометанин унижает и самого себя...». Подобные образцы мы объединяем в отдельный класс, определяя как речевые образцы религиозного дискурса, в которых риторический вопрос устанавливает тему, «топик».

Риторический вопрос занимает важное место в синтаксической ткани религиозного дискурса. Он по-разному функционирует и несет различную тематическую и структурную нагрузку в разных жанровых образцах. Однако, выполняемые им функции можно свести к следующим наиболее важным: фатической, эмотивной и топикальной.

Повтор также является одним из часто используемых лексико-синтаксических приемов, встречающихся практически во всех жанровых образцах религиозного дискурса. Как правило, здесь имеют место структурные повторы: «Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою...» (Притчи Соломоновы: 1, 20–21).

Повтор и, в частности, повтор предикативной конструкции, призван акцентировать внимание адресата на действиях, предпринимаемых во имя спасения людей: «*премудрость возглашает*», «*голос возвышает*», «*в главных местах проповедует*», «*говорит речь*». Автор, акцентируя внимание адресата на субъекте действия – Всевышнем – строит синтаксическую цепочку с помощью повтора структуры предикативной конструкции: «*Он разрушает замыслы коварных, и руки их не доверяют предприятия. Он уловляет мудрецов их же лукавством, и совет хитрых становится тщетным. Он спасает бедного от меча, от уст их и от руки сильного*» (Иов: 5, 12–15). В данном случае повтор синтаксической формулы «субъект + произведенное им действие» несет экспрессивную функцию – усиливая значимость сказанного, важность действий, совершаемых Всевышним. Довольно часто повтор синтаксический повтор используется в качестве формы предсказания человеку, что ждет его в будущем, усиливая в данном случае некий мистический эффект: «*И узнаешь, что иагер твой в безопасности, и будешь смотреть за домом твоим и не согрешишь. И увидишь, что семя твое многочисленно. И войдешь в гроб зрелости*» (Иов: 5, 24–27). Использование повтора в данном случае создает некую объемную «картинку» жизни, позволяя адресату представить и «прокрутить» в сознании именно последовательность, цепочку ожидающих человека событий. Повтор синтаксической конструкции создает эффект реальности происходящего.

Следует обратиться еще к одному виду повтора, который довольно часто используется, в частности, в текстах Святого писания – комбинация глагольных единиц «и отвечал (он), и сказал...» после чего следует нарратив, повествующий о том, что было сказано пророком: «*И отвечал Вилдад Савхейнин и сказал: Долго ли ты будешь говорить так? – слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд?*» (Иов: 8, 1–2). «И отвечал, и сказал...», «И говорил, и сказал...», «И молвил... и сказал...» – наиболее часто предваряют многие нарративные образцы религиозного дискурса.

Повтор синтаксической конструкции может предваряться союзом «и», что обеспечивает связность речи, позволяет адресату не терять логическую цепочку: «*Братьев моих он удалил от меня, и знающие меня стали чуждаться меня; и покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня. И пришлые в доме моем, и служанки мои чужим считают меня...*» (Иов: 19, 13–15). Нам представляется возможным говорить о том, что такой вид повтора, с одной стороны, создает эффект ожидания, а с другой – позволяет на протяжении длительного времени удерживать, концентрировать внимание адресата, который ждет «что же будет сказано далее...», «в каком русле будет продолжаться развиваться мысль автора: “*При всем этом они продол-*

жали грешить, и не верили чудесам его. И погубил дни их в суете и лета их в смятении. И когда он убивал их, они искали Его, и обращались к нему, и с раннего утра прибегали к Богу, и вспоминали, что Бог – их прибежище, и Бог Всевышний – Избавитель их. И льстили Ему устами своими, и языком своим леали пред Ним...» (Псалтырь: 78, 32–36). Все конструкции, содержащие те или иные повторы придают речи экспрессивность, усиливают эффект воздействия на адресата. Такой же повтор встречается в тексте молитвы, в данном случае он несет эмотивную и экспрессивную функции. Об эмотивной нагрузке нам представляется возможным говорить в том смысле, что такие повторы отражают внутренние переживания человека, который стремится высказаться пред Богом, в каком-то смысле боясь забыть что-то важное, пропустить, недосказать нечто: *«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша»* (Молитвослов, 2002: Молитва Святому Духу). Действительно, создается впечатление того, что мысль адресата работает на опережение, он так много желает сказать, что боится пропустить нечто. С другой стороны, каждый из фрагментов воспринимается как завершенное синтаксическое целое, которое затем все же неожиданно получает продолжение – *«...и приди, ... и вселися..., и очисти..., и спаси...»*.

Все языковые особенности различных жанровых образцов религиозного дискурса на синтаксическом уровне создают его неповторимое своеобразие и отличают ото всех других видов дискурса. Как правило, содержание, тематика формируют дискурс определенной направленности – политический, педагогический и т. д.; форма лишь завершает формирование речевого образца. Для дискурса же религиозного форма выступает на первый план и во многом если не определяет, то предопределяет содержание. Поэтому анализ языковых особенностей на самых различных уровнях языка представляется столь важным и без его детального изучения и описания невозможно проникновение в тематическую и содержательную ткань многих жанровых образцов религиозного дискурса.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973.
2. Верецагин Е. М. Библистика для всех. М., 2000.
3. Православный молитвослов. Издательский Совет русской православной церкви, М., 2002.